

Своими путями

(О Е. М. Лопатиной).

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы прочли романъ моего друга, Кати Лопатиной. Онъ только что вышелъ, — говоритъ Поликсена Соловьева, прощаясь со мной на пороге нашей петербургской квартиры. Я часто вижу съ Поликсеной, она переехала въ Петербургъ, но о друге ея детства, Катѣ, не знаю почти ничего. Романъ прочитанъ. Онъ кажется мне живымъ*, вылившимся изъ страстно-взволнованной женской души, и. многословнымъ*. Въ то далекое время мы искали новыхъ литературныхъ манеръ (или модъ); романъ-же былъ сдѣланъ въ добрыхъ старыхъ тонахъ. Однако, онъ меня заинтересовал*, и съ Поликсеной мы объ авторѣ немало говорили. Но полетели годъ, десятилѣтія... и мне не приходило въ голову, что я когда-нибудь буду писать о Катѣ Лопатиной, ни разу въ Россіи невиденной, какъ о близкомъ человеке. И о только что ушедшемъ, умершемъ... Если это вообще трудно, то Екатерину Михайловну Лопатину не живой почти и вообразить нельзя: въ такомъ находилась она движеніи, такимъ живымъ была человѣкомъ*.

После тяжкихъ переживаній изъ Кавказе, — куда попала, въ первые годы большевизма, московская Община Ек. М-ны, — она, съ неизмѣннымъ своимъ другомъ, председателницей Общины, О. Л. Еремеевой, и несколькими сестрами, очутилась въ Болгаріи. Затемъ переездъ во Францію; и тутъ, въ самый трудный моментъ, имъ помогла, ихъ приняла маленькая католическая Община въ

«Cambrai». То, что мы слышатъ о ней (и молодой ея «дегге») отъ Е. М-ны, и неизгладимое, незабываемое впечатленіе, которое оставило Cambrai въ ея душе, очень помогло мне впоследствии глубже понять сложную внутреннюю жизнь ея самой.

Душа, а, вѣрнѣе, все существо Е. М. было насквозь религиозно. Въ ней, человеку не отвлеченныхъ мыслей, а горячихъ чувствъ, жизненные нити свивались сложнымъ клубкомъ*. Святой, кровной традиціей Она, русская москвичка, была связана съ родной Церковью. Но такое же кровное прошлое жило въ ней и хранилось: среда, въ которой она выросла, старо-интеллигентская, университетская Москва. Семья Лопатиныхъ была тесно связана съ семьей Соловьевых*. Юность свою Е. М. провела въ кругу студенческой молодежи. Ея братья (одинъ изъ нихъ — будущій философъ) и ближайшій другъ ихъ, «Володя Соловьевъ»*), какъ она его называла, составляли ядро одного изъ серьезныхъ тогдашнихъ молодыхъ кружковъ; безконечные религиозно-философские разговоры между друзьями оставили въ душе Е. М. глубокий слѣдъ и, можетъ быть, повлияли отчасти на все направленіе ея жизни. Оно, несмотря на импульсивность ея на-

*) Воспоминанія Е. М. Лопатиной о Владимірѣ Соловьевѣ напечатаны въ 28-ой книгѣ «Совр. Записокъ» (К. М. Ельцова. Сны недавніе. Къ 25-летию кончины В. С. Соловьева). — Ред.

туры и разнообразный жизненный переплетения, оставалось, в сущности, одним и тѣмъ-же; оно привело ее, еще молодой, и въ Общину. Даже всероссійскій взрывъ не измѣнилъ этого направленія. Напротивъ, какъ бы подчеркнулъ его.

Всѣ послѣдніе годы жизни Е. М. передо мною. Нетъ* уже многолюдной МОСКОВСКОЙ Общины, нѣтъ и богатой барыни, предсѣдательницы, съ вѣрнымъ другомъ-помощницей, Катей Лопатиной; но есть на горе, надъ Антибами, въ полуразрушенномъ старомъ замкѣ, нищенскій дѣтскій «спреветоріумъ»; онъ созданъ изъ ничего и существуетъ, держится, тоже ничемъ*: только энергіей и волей одной изъ этихъ немолодыхъ жвищницъ и духовнымъ подъемомъ другой. Обе такія разныя, онѣ такъ необходимы другъ другу. Обе работаютъ*, какъ* послѣднія служанки, ибо служанокъ нѣтъ, да и помощниковъ постоянныхъ мало. В* дѣлахъ «міра сего», практическихъ*, чисто-внѣшнихъ, Е. М. довольно безпомощна, при всемъ своемъ* внутреннемъ горении и доброй волѣ. Но хотя тутъ* успешнее дѣйствуетъ энергія соработницы и друга, — выпадаютъ и ча долю Е. М. такія дела. Когда она бежитъ*, по крутой лѣсной дороге, въ темнотѣ, ввизъ, куда-то въ Антибы, а то и дальше, я путаюсь: — Катя, да какъ-же вы назадъ, пѣшкомъ, все эти километры? (Я знаю, что у нея плохое сердце, что ей вредно). Но она, и смеясь, и жалуясь, хлопочетъ*, торопливо закалываетъ* косынку, беспокоится: «только бы успеть, только бы вышло...»

Полумонашеская одежда, которую она носила, отнюдь не дела-

ла ее монахиней въ* условномъ смысле. В* ней оставалась и московская Катя Лопатина, подвижная, экспансивная, съ острымъ чувствомъ эстетики, съ тонкимъ* юморомъ въ разсказахъ; подчасъ нелепая, способная и жаловаться, и восхищаться, и возмущаться. А подо всѣмъ этимъ* горѣло въ ней какое-то трепетное пламя, и даже те, кто не умелъ видеть, чувствовалъ*, приближаясь, его тепло.

*

Еще не забыта, думаю, осень, когда московскій м. Сергій предъявилъ къ представителю зарубежной церкви требованіе «лояльности»; и когда русская парижская пресса, т. е. верхушка интеллигенции, почти цѣликомъ стала за эту «лояльность». Это было понятіе со стороны эмигрантской интеллигенции: въ большинствѣ она прозелитична; обостренное чувство потери Россіи естественно тянетъ* хоть къ какой нибудь связи съ ней, а эта, церковная, казалась и безобидной.. Но м. Евлогій мудро выкидалъ* Насъ, сразу занявшихъ определенную позицію, было очень мало. Ек. Мих. пріѣхала къ намъ, вся въ волнении. Въ ней тогда загворила чистая, и невчерашняя, христианка, опытно знавшая большевизмъ,

Потомъ все разрешилось, успокоилось, и лишь небольшая кучка «лоялистовъ», отколовшись, устроила, под* водительствомъ извѣстнаго еп. Вениамина, свою церковь на улицѣ Петель. Почему такъ* хотелось Вениамину присоединить къ ней Е. М-ну и Клозонъ? Стараний не жалеть, во всякомъ случае. Помню первыя, кажется, его попытки. Мы жили опять вмѣстѣ съ Е. М., въ лес-

номъ Клозонѣ, поздней осенью. Веніаминъ дважды вызывалъ Е. М. въ Антибы, для «бесѣдъ» (въ Клозонѣ ему тогда ходу не было). Вернувшись, почти ночью, Е. М. художественно, образно, не безъ юмора, описывала эти свиданія чуждымъ, — о, безуспешные! Но въ эту клозонскую осень я уже начинаю узнавать въ Е. М. что-то, раньше отъ меня ускользавшее. Наши безконечные, нечерте, послѣдніе разговоры позволили мнѣ заглянуть въ религиозную сердцевину ея души. Поэтому, должно быть, и не удивляли меня этапы ея дальнейшего пути. А удивиться было-бы легко: черезъ годъ, или несколько больше, въ одномъ изъ ея спутанныхъ, съ перерывами писанныхъ, неразборчивыхъ писемъ, она рассказала, что «Клозонъ» (т. е. она и ея другъ) рѣшилъ присоединиться къ веніаминовской церкви на Петель. Попытки объяснить этотъ шагъ ничего не объяснили. Но мнѣ и такъ было ясно: упорный внѣшній нажимъ и посулъ, передъ которымъ Е. М. устоять не могла: обѣщаніе подлинной «церковной жизни». Ответъ мой былъ совершенно откровененъ: неосторожную доверчивость свою она пережить очень тяжело, но дай Богъ, чтобы кончилось скорее, — тамъ она, все равно, не останется.

Это последнее тоже было для меня ясно. Со времени нашихъ, клозонскихъ, разговоровъ*, Е. М. на, «Катя Лопатина», стала мне вся, съ ея порывами и стремленіями, такъ понятна, какъ не была понятна, думаю, и самой себе. Къ этимъ разговорамъ я хочу вернуться,

Холодная, сырая комната, тускло-мерцающая керосиновая лам-

па, ватная одеяла на соломенныхъ креслахъ, взволнованный торопливый говоръ Е. М.-ны.. Она, какъ будто, перескакиваетъ съ одной темы на другую, но между ними внутренняя связь. Вотъ жалобы на «покинутость» (церковную). Есть храмъ (грудями и заботами Е. М. въ замке устроена крошечная домашняя часовня), но нѣтъ священника, изредка наезжаетъ случайный, и нѣтъ «церковной жизни».. Вдругъ, сразу, переходитъ она на Вселенскую Церковь. «Катя, говорю я, вы сами напомнили мне слова вашего «Володи» Соловьева: истина въ каждой церкви, и ни одна изъ нихъ не Вселенская. Она рѣдится изъ соединения церквей, но не механическаго, а химическаго, и будетъ новымъ теломъ. А пока, мое мнѣніе, мое лично, — подчеркиваю я, — лучше оставаться въ той церкви, въ какой родился».. Она все это знаетъ, не спорить, но и я не спору: я понимаю, вижу, что главное ея — за гранью словесности. И еще вижу, что подо всеми разсужденіями лежитъ несказанная мечта, связанная для нея съ именемъ «Cambrai».

Если все свести къ простымъ словамъ, слишкомъ простымъ*, а потому лишь приблизительнымъ, то надо сказать: религиозность Е. М. была такого свойства, что ее не могла удовлетворить никакая личная христіанская жизнь; она стремилась* къ христіанской атмосферѣ, къ* особому «климату», воздуху, безъ котораго ей трудно было дышать. Въ сущности, стремилась она, даже рвалась, къ «царствію Божьему ?а земле», ни больше — ни меньше; но, конечно, такъ не думала, не знала, а звала это, по коренной

своей связи съ церковью вообще, — «церковной жизнью». Въ ея представленіи такая общая атмосфера могла итти лишь отъ церкви; создавалась лишь христіанской церковью. Въ маленькой полумонашеской общине Cambrai она почувствовала, увидѣла, — или ей показалось, что увидела, — именно эту атмосферу, этотъ вечно-желанный воздухъ. И забыть его не могла.

Но ведь онъ — создатель церкви? отсюда и путь церковныхъ исканій. Путь скорбный, но и свѣтлый, если онъ свой, этой душе указанный.

Какъ больно за вѣршнихъ, особенно за тѣхъ, кого она любила, судившихъ ея исканія и такъ сурово осудившихъ ея послѣдній этапъ — католичество. И какъ хорошо, что эти суды не темнили ея

душевнаго света. Мнѣ — весь путь ея, все этапы всегда были известны. Она не забывала, что ко многому мы относимся по разному: «вы, ведь, противъ переходовъ»... Но она знала, что ея-то я понимаю, не говоря уже о томъ, что я умею уважать чужую свободу.

Что ждало въ дальнѣйшемъ эту мятежную душу - христіанку? Нашла-ли бы она въ последнемъ обращеніи — въ церкви католической, — то, къ чему шла, какъ* умела, то, что почудилось, увидѣлось ей въ Cambrai? На это не надо отвечать. Кто-то нежно позаботился, чтобы и она, здесь, не узнала ответа. Чтобы окончили путь, какъ жила все послѣдніе месяцы: въ свете, радости и новой надежде.

3. Н. Гиппиус*.

О Поплавскомъ

Холодный парижскій вечеръ, потому ночь задыхающаяся предсмертнаго сна и две строки, которыя не могли не вспомниться — строки, написанныя въ далекомъ предчувствіи:

Пока на грудь и холодно и
душно
Не ляжетъ смерть, какъ же
щина въ пальто..

Внешне все ясно и понятно: Монпарнасъ, наркотики и — «иначе это кончилось не могло». И можно было бы, только пожалѣвъ объ этомъ не задумываться болѣе, если бы эта смерть не была гораздо значительнее и страшнее чемъ она кажется. То, что Поплавскаго всегда тянуло въ* «эту сре-

ду», мы все давно знали. Зачѣмъ ему были нужны эти люди, проводившіе голодныя ночи въ кафе, не представлявшіе, казалось бы, никакого интереса, эти псевдоинтеллектуальные шипіе, не менѣе жалкіе, чѣмъ парижскіе бродяги, вочью поды под мостами? И все же Поплавскій неизменно возвращался туда. Менялись его спутники, проходило время, а онъ все путешествовалъ тамъ же. Онъ любил*, чтобы его слушали, хотя не могъ не знать, что его Монпарнасу были недоступны его разсужденія съ цитатами изъ Валери, Жида, Бергсона, и что его стихи были такъ же недоступны, какъ его разсужденія. И единственное, что могло сблизать Поплавскаго съ этими убогими людьми, это то,